
УРОКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ЧТО ЕСТЬ И ЧЕГО НЕТ В СБОРНИКЕ «ИЗ ГЛУБИНЫ (1918)» *Размышления над страницами книги, не вышедшей в свет 99 лет назад*

В.Н. Катасонов

*Общецерковная аспирантура и докторантура
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия*

В статье обсуждаются принципиальные вопросы, затронутые в статьях сборника «Из глубины» (1918). Сборник состоит из статей, написанных лучшими научно-философскими авторами своего времени: Н.А. Бердяевым, С.А. Аскольдовым, С.Н. Булгаковым, С.Л. Франком и др. Главными темами сборника были: религиозный смысл русской революции, особенности психологии русского народа, вина русской интеллигенции.

Ключевые слова: русская революция 1917, религиозный смысл русской революции, русская интеллигенция, психология русского народа.

99 лет назад с марта по апрель 1918 года по инициативе П.Б. Струве был собран и напечатан сборник статей о русской революции 1917 года «Из глубины». В нем приняли участие представители лучших научных сил тогдашней России: правоведы П.И. Новгородцев, С.А. Котляревский, И.А. Покровский, профессора политэкономии С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, философы С.Л. Франк, С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, Вяч. Иванов, публицисты А.С. Изгоев и В.Н. Муравьев. Однако представить этот сборник публике этим летом после убийства Урицкого и покушения на Ленина, в атмосфере начавшегося большевистского террора, не было никакой возможности. В 1921 году весь тираж сборника был арестован большевистской властью, только один экземпляр книги был вывезен Бердяевым за границу, где и был опубликован в 1960-х годах. Тем не менее одна книга хранилась в Спецхране Ленинской (государственной) библиотеки, и в 1970–1980 годах многие интересующиеся русской философией и историей московские интеллигенты имели самиздатовскую ксерокопию этого сборника. В России книга была издана в 1991 году в приложении к журналу «Вопросы философии» (вместе со сборником «Вехи»).

В 1909 году примерно тот же состав авторов издал книгу «Вехи». Книга «Вехи» носила подзаголовок «Сборник статей о русской интеллигенции», в нем авторы анализировали причины и смысл революции 1905 года, указывая на особую вину русской интеллигенции в подготовке трагических событий первой русской революции. Тема русской интеллигенции также одна из главных и в сборники «Из глубины». Однако неслучайно сборник носит подзаголовок «Сборник статей о русской революции»: подход авторов книги шире и глубже, анализу подвергается роль всех слоев русского общества. Общим знаменателем всех статей сборника является убеждение, что революция 17-го года была не просто социальной и политической революцией. Главный смысл революции лежит глубже, она имела религиозный смысл, она была *восстанием против Бога*. Само название книги, предложенное Франком, апеллирует к 129 псалму: «Из глубины возвах к Тебе, Господи!»

Не случайно уже первая статья сборника носит название «Религиозный смысл русской революции». Ее автор С.А. Аскольдов дает глубокий социокультурный анализ как революции вообще, так и русской революции 1917 года. Революции представляют собой своеобразную социальную болезнь общества. В них, как и в любой болезни органического существа, происходит ослабление сил единения, происходит «атомизация» этого единства, преобладание сил разъединения над центростремительными силами, обеспечивающими единство. В обществе силой, обеспечивающей единство, служит государство, и революция есть именно ослабление, разложение государственного образования, грозящее вообще смертью народного организма. Это разложение, распадение общественной жизни всегда имеет и определенный религиозный смысл. «Религиозная и революционная настроенность представляют два психологических образования, весьма трудно друг с другом совместимых; всегда одно возрастает за счет другого.

Революции готовятся и наступают обыкновенно на почве ослабления религиозного сознания. Это характерно как для древних, так и для новых исторических эпох. Религия всегда являлась силою, связующей государство со стороны его органического единства, в какой бы политической форме оно ни выражалось. И потому-то всякое революционное движение обыкновенно имеет перед собою в качестве подготовительной фазы тот или иной процесс увядания религии, иногда своего рода «век просвещения» [1. С. 213].

В России таким веком было XIX столетие, когда русская интеллигенция, отвернувшись от фундаментальных христианских начал жизни своего народа, уверовала в построение справедливой жизни на основе чисто рациональных представлений. Казалось бы, так просто, умные люди проанализируют ошибки существующей власти, устранят их и построят справедливую и счастливую жизнь для большинства народа!.. Однако история показала, что всем этим утопиям не суждено было сбыться. Оказалось, что общество, народ обладают своей социальной упругостью, сопротивляемостью, что народ это не безвольная инертная масса, пассивно соглашающаяся с любы-

ми социальными экспериментами. Именно потому, что народ состоит из людей, а человеку дана свобода, у него есть свои стремления, идеалы, верования. Эти идеалы и верования как раз и были тем основанием, на которых держался предыдущий социальный строй, и своевольный отказ от этого духовного фундамента социальной и государственной жизни, – для России – отказ от православной веры, – превращал человека в зверя и развязывал братоубийственную войну. В статье сделан принципиальный вывод: становление и само существование государственной власти невозможно без опоры на нравственное самосознание народа. Это нравственное самосознание укоренено в религиозном мировоззрении народа, в его представлениях об истине, правде, справедливости, имеющих не просто человеческое, а онтологическое значение. Для России это мировоззрение утвердилось со времен святого равноапостольного князя Владимира. Именно с этим христианским мировоззрением, тесно сплетенным с русской религиозно-политической идеологией монархизма, настойчиво боролась русская революционная интеллигенция. И революция, как своевольное опрокидывание существующего социального порядка, была, в своем корне, ударом именно по этому мировоззрению, была борьбой с русским Богом. Русский социализм был не просто социальной революцией, а бунтом против Бога. Именно поэтому революция обернулась не только материальной разрухой, голодом, поражением в войне, но и грандиозной культурной и нравственной катастрофой, озверением, одичанием народа в братоубийственной войне.

Эти общие соображения Аскольдова связаны с его представлениями об особом характере «души русского народа». Согласно философу, всякая душа трехсоставна, в ней есть *святое* начало, специфически *человеческое*, и *звериное*. Конституция души каждого народа имеет свои акценты. «Быть может, наибольшее своеобразие русской души заключается, на наш взгляд, – пишет Аскольдов, – в том, что среднее специфически человеческое начало является в ней несоразмерно слабым по сравнению с национальной психологией других народов. В русском человеке, как типе, наиболее сильными являются начала святое и звериное. Этот своеобразный душевный симбиоз может показаться странным. Однако, на наш взгляд, именно такое сочетание является наиболее естественным. Ангельская природа, поскольку она мыслится прошедшей мимо познания добра и зла и сохранившей в себе первобытную невинность, во многом гораздо ближе и родственнее природе зверя, чем человека. Правда, святость есть нечто иное, чем ангелоподобность. Но и она ей все же близка и возникает в преодолении специфически человеческой духовной культурности. Конечно, это сближение имеет силу, если в звериной природе иметь в виду кроме начал ярости и лютой также и начала мягкости, кротости и добродушия. Русская душа в этом отношении включает в себя все богатства этой природы» [1. С. 225]. Эти представления, не раз, впрочем, высказывавшиеся в русской литературе¹, требуют пояснения. Под

¹ Бердяев пишет в своей книге «Судьба России» (1914–1917): «В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании и варяг-иностранцев для управления русской

специфически человеческим, гуманистическим началом философ понимает способность к культурному строительству, к построению индустрии, науки, образования, к политике (sic!), к самоуправлению и т.д. Нам, после опыта XX столетия, давшего такое цветение советской науки и образования, индустриализации страны, странно и даже обидно слышать подобные оценки. Но и XIX век, с его наукой и промышленной революцией второй половины, с его «золотым веком» русской литературы, с «серебряным веком» рубежа XIX–XX веков, также трудно согласовать с подобной точкой зрения. И тем не менее, по сравнению с западноевропейской индустриализацией, развитием там цивилизации, образования и науки Россия явно запаздывала. Не случайно большевики поставили индустриализацию одной из главных, если не самой главной задачей своего хозяйственного строительства. Но дело не только, и даже не столько в этом. Говоря о слабости гуманитарного начала в русском народе, Аскольдов имеет в виду построение именно *секулярной культуры*, без какой бы то ни было апелляции к религиозному мировоззрению. На Западе это разъединение культуры и веры произошло довольно рано, еще с Возрождения, и подошло к своей кульминации в так называемой Великой французской революции. В России же и индустриализация, проводившаяся во многом старообрядцами, имела своеобразный религиозный привкус, да и многие ученые-естественники не мыслили своих научных занятий без религиозного контекста (начиная с М.В. Ломоносова, Д.С. Аничкова, Н.И. Пирогова, А.А. Шахматова, В.И. Даля, академика И.П. Павлова, академика Лузина и т.д.). Именно пафоса построения гуманистической культуры, этого «Царства человека» на Земле, как призывал один из главных идеологов Нового времени и новоевропейской науки Френсис Бэкон, культуры человеческого комфорта и гуманистического общества и не было в России.

Даже и революция-то, по мнению, Аскольдова, также есть дело именно этого срединного гуманистического начала в психологии народа. Именно поэтому революции долгое время и не удавались в России. Восстания Разина, Пугачева, Болотникова были *русским бунтом*, а не революцией в гуманистическом смысле. Восстание декабристов было утопической попыткой путем переворота ввести республиканские начала в стране. Идея революции была непонятна русскому народу в целом, ею бредила лишь русская революционная интеллигенция, оторвавшаяся от духовных корней своей нации и уверовавшая в социологические схемы, созревшие на Западе².

землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле! Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина» [2. С. 12].

² Вообще, политическая жизнь, как создание политических партий, их открытое публичное соревнование за власть была незнакома России, лишь в очень малой степени проявилась в

Особую роль в нейтрализации влияния революционной идеологии играла Русская православная церковь, подчеркивает Аскольдов. Социальное неравенство в форме крепостного права, существовавшее в России вплоть до реформы 1861 года, оправдывалось и особым пониманием христианства, существовавшим в России. «Специфическим грехом эмпирического тела Церкви ее государственной организации было то, что своеобразный религиозный талант православия и его своеобразный подвиг был слишком извращен и обращен на пользу злого начала. Тот талант, о котором мы говорим, состоял в преобладании религиозного чувства над религиозной волей, в особой интимности и непосредственности чувствования Христа. Именно специфический способ взаимодействия с Христом через чувство, а не через волю, как это более характерно для западного религиозного сознания, давал православия большую внутреннюю свободу. Жертвы воли восполнялись в православном сознании пламенем веры и религиозным терпением, сораспятием Христу в своих страданиях. Это таинство заместительной силы одной религиозной стихии в сфере другой было особым благодатным даром русского народа. Этим даром и оправдывалось некоторое пренебрежение к моральному закону, объяснялась возможность быть “полнотою мерзости” и в то же время всегда проясняться религиозным светом» [2. С. 232–233].

Культивирование смирения, как одной из главных добродетелей христианства, как подражания Христу, не только воспитывало русских святых, но и служило оправданием вопиющего социального неравенства. «Русь была до отмены крепостного права, а отчасти и после него страной рабов и рабовладельцев, и это не мешало ей быть “Святой Русью”, поскольку крест, несомый одними, был носим со светлой душой и в общем, и целом с прощением тех, от кого он зависел, поскольку и те, и другие с верою подходили к одной и той же Святой Чаше. Так праведность десятков миллионов очищала и просветляла в единстве народного сознания грех немногих тысяч поработителей, к тому же грех, часто ясно не признаваемый в качестве такового ни той, ни другой стороной» [2. С. 233–234]. И существовавший социальный порядок существенно опирался на этот столп православного терпения и смирения. «...Слово “рабская” не было позорной кличкой для России былых времен, поскольку это рабство как-то отождествлялось с “рабским видом” Христа. И эту тайну слияния если не понимало, то, несомненно, чувствовало народное сознание. И тогда не было места в России гуманистическому сомнению, нравственно ли это, допустимо ли это» [2. С. 234]. Но как только гуманистическое сознание стало развиваться в среде интеллигенции, так сразу отношение к крепостному праву стало резко отрицательным, это было уже «нарушением элементарных человеческих и гражданских прав». Лишь Александр II устранил этот соблазн, столь долго существовавший в истории России.

период между двух революций и во многом осталась непривычной и для современной, после 1991 года России.

П.Б. Струве в своей статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи» подчеркивает социологические и исторические особенности вопроса об освобождения крестьянства. «Освобождение крестьян было уже в XVIII веке поставлено как проблема личного освобождения крестьян-рабов, создания мелкой крестьянской собственности и землеустройства как условия рационального землепользования. Личное освобождение крестьян назрело уже во второй половине XVIII в., когда было отменено прикрепление дворянства к государству в форме обязательной дворянской службы, и потому оно запоздало на целое столетие, а это запоздание отсрочило и затянуло до нашего времени постановку и решение двух других сторон крестьянского вопроса – утверждение земельной собственности и упорядочение землепользования. Запоздание личного освобождения крестьян на столетие, и во всяком случае на полустолетие, было лишь выражением и следствием, в области социальной, той победы самодержавия над конституционализмом, которую русская монархия одержала в 1730 г. *Крепостным правом русская монархия откупалась от политической реформы...* Теперь для нас должно быть совершенно ясно, что русская монархия рушилась в 1917 г. оттого, что она слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства. Из политического бесправия дворянства и других культурных классов родилось государственное отщепенство интеллигенции. А это государственное отщепенство выработало те духовные яды, которые, проникнув в крестьянство, до 1861 г. жившее без права и прав, не развившее в себе ни сознания, ни инстинкта собственности, подвинули крестьянскую массу, одетую в серые шинели, на ниспровержение государства и экономической культуры» [3. С 464–466].

Критика русской монархии, тесно связанной с Православной церковью не только идеологическими предпосылками, но и организационной структурой, всегда оставалась и критикой Православной церкви. Особым соблазном здесь являлась фигура Григория Распутина. Аскольдов признает в своей статье религиозный талант Распутина, но подчеркивает зловещую роль, сыгранную им в русской революции. «Распутин был несомненно религиозный человек и человек, несомненно, понявший специфический талант русского религиозного сознания жить внутренне праведно в оболочке греха. Но он не понял, что талант этот сохраняется лишь в непрестанном подвиге страдания, терпения и сознания своей греховности. Вина этого человека перед Россией заключалась, конечно, не в его личных грехах, сущности и тяжести которых мы не знаем, а в том, что его циническое перешагивание через пределы религиозно, морально и общественно дозволенного получило общегосударственное и общецерковное значение и стало фокусом всей внутренней политики» [Там же. С. 235]. Соблазн Распутина подрывал русское доверие к религиозным основам государственной власти, открывал дорогу к ниспровержению монархии.

В свою очередь, русская революционная интеллигенция, осуществившая февральскую революцию, показала всю свою беспомощность в плане

государственного управления. Добившись отречения царя, выведя на улицу солдатские толпы, Временное правительство не смогло справиться с этой стихией, выиграть войну, удержать страну от большевистской диктатуры. Рассчитывая на политическую зрелость народа, на его гуманистическое культурное творчество, на Учредительное собрание, на свои силы убеждения, февральская интеллигенция просчиталась и в отношении народа, и в отношении самих себя. У народа не было политического опыта самоорганизации, власть в России всегда имела религиозную санкцию, и, разорвав связь веры и государства, интеллигенция подорвала основы народного правосознания, разбудила в народе зверя, подожгла русский бунт. Велеречивые заклипания ораторов не помогали, солдаты дезертировали с фронта, грабили своих же русских братьев, верх брали самые эгоистические животные начала. Власть была бессильна, и ее с помощью западных денег и интернациональных наемников «подхватили» откровенно антирусские большевистские авантюристы. Обуздать разнузданную стихию народного бунта смогла уже только кровавая баня, устроенная большевистской диктатурой, да и то не сразу, а лишь в результате изнуряющей гражданской войны.

Подводя итог, Аскольдов следующим образом формулирует религиозный смысл русской революции 1917 года: «Резюмируя его итог, мы сможем сказать, что смысл этот заключается прежде всего в обнаружении, а с тем и в обличении перед всечеловеческим сознанием трех видов зла, заключающихся в нарушении каждым из основных трех начал русской души своей нормальной функции в связи с остальными. Так, первым злом, хотя и скрытым в формах старого дореволюционного режима, и, однако, бывшим *primus movens* революции, явилась обособленность святого начала от человеческого – злоупотребление дарованной ему в виде особого таланта свободой от требований гуманистической этики и общественности. В этом случае религиозное начало причудливо сплелось с греховным и недостойным и в преломлении своем в низинах человеческого сознания отразилось загадочной фигурой достаточно моложавого “старца”, чуть не святого и в то же время слишком прельщенного плотью, простеца и в то же время хитреца и лукавца. Второе зло обнаружилось в изолированном выступлении гуманистического начала в качестве самодовлеющей инстанции с негодными средствами адвокатской риторики, приведшем к победе зверя и над святым и над человеком. Третье зло злоба природного зверя, натравленного и на святое, и на человеческое во имя будущего царства зверя апокалиптического» [1. С. 246].

А.С. Изгоев в своей статье «Социализм, культура, большевизм» подробно останавливается на роковых ошибках русской интеллигенции, приведших к революции 17-го года. Все главные устремления интеллигенции, представления о государстве, политические, социально-экономические теории оказались ложными. Причем критиком этих теорий оказалась уже сама жизнь: беспомощность деятелей февральской революции в плане государственного управления, ведения войны, наведения внутреннего порядка. Рус-

ская революционная интеллигенция, проповедуя западную идею социализма, настойчиво боролась с любым проявлением «буржуазности», не понимая того, что эта буржуазность неотделима от того доброго, чего достиг социализм на Западе. «Все положительное, в создании чего прямо или косвенно принимали участие социалисты (имеются в виду западные социалисты. — *В.К.*), носит на себе неизгладимую печать “буржуазности”: социальное законодательство, рабочее профессиональное движение, кооперация, строение политической партии, тактика политической борьбы» [4. С. 366]. Большевики были совершенно правы, иронизирует Изгоев, осуждая западных социал-демократов в оппортунизме и буржуазности. И в то же время последовательное, по книгам, по прописям, проведение в жизнь социалистических идей явило миру то, чем он является сам по себе. «И весь мир, в том числе раньше других социалисты, ужаснулись, когда раскрылись эти кошмарные картины одичания, возвращения к временам черной смерти, тридцатилетней войны, великой московской смуты, неслыханного деспотизма, чудовищных насилий и полного разрыва всех социальных связей. Таковым оказался социализм действительно осуществленный, испробованный в жизни» [4. С. 365]. Все получалось так, как утверждал герой «Бесов» Достоевского теоретик Шигалев: «выходя из безграничной свободы», он логически приходил к «безграничному деспотизму».

Достоевский и его пророческие прозрения вообще чрезвычайно значимы для всех авторов сборника. Бердяев в своей статье «Духи русской революции» подробно обсуждает, как в творчестве Достоевского были осознаны соблазны русского сознания, угаданы «бесы» революционного кружения, предсказана трагедия русской революции. Бердяев объясняет тот недостаток внимания в русском сознании к срединному, гуманистическому уровню существования, о котором говорит Аскольдов, особым духовным устроением русской души. Русский человек, по Бердяеву, «...апокалиптик или нигилист, апокалиптик на положительном полюсе и нигилист на отрицательном полюсе» [5. С. 260]. Поэтому русскому человеку так трудно строить культуру, ибо культура требует уважения к срединному, историческому существованию, а русский человек, как апокалиптик, устремлен к концу истории, и любой вопрос сводит к вопросу о последнем смысле жизни, смысле истории. Русское искание правды жизни приводит или к апокалиптике, или к нигилизму. Но узел драмы состоит в том, что эти противоположности апокалиптики и нигилизма легко переходят друг в друга. «Нелегко бывает решить, почему русский человек отрицает государство, культуру, родину, нормативную мораль, науку и искусство, почему требует он абсолютного обнищания: из апокалиптичности своей или нигилистичности своей. Русский человек может произвести нигилистический погром, как погром апокалиптический; он может обнажиться, сорвать все покровы и явиться нагишом, как потому, что он нигилист и все отрицает, так и потому, что он полон апокалиптических предчувствий и ждет конца мира. У русских сектантов апокалипсис переплетается и смешивается с нигилизмом» [5. С. 261]. Эта же черта характе-

ризует и русскую интеллигенцию. Здесь также нигилизм и апокалипсис странным образом связаны один с другим, так что нигилизм может выступать в качестве своеобразной религии. Достоевский как раз и понял эту двойственность русского народа, подчеркивает Бердяев. Он осознал, что революция в России будет иметь совсем не тот характер, какой она имела на Западе, что русская революция феномен религиозного характера, в русской революции решается вопрос о Боге.

Философом русского нигилизма выступает у Достоевского Иван Карамазов. Он не желает принять Божий мир, поскольку в нем существует страдание. Даже одна слезинка замученного ребенка не стоит всей последующей мировой гармонии. Иван не атеист, он признает существование Бога, но он не принимает мира, созданного Богом, его пусть и неизвестных до конца, «неевклидовых» законов. Моральная позиция Ивана вызывает сочувствие, но ее духовный смысл показывает ее слабость. Он не желает принять божественный смысл жизни, желает смотреть на нее только с чисто человеческой точки зрения. Иван демонстрирует бунт против Бога, бунт на основе моральных представлений. Бердяев считает, что в основе позиции Ивана лежит ложная чувствительность и сентиментальность, ложное сострадание к человеку. «Русские сплошь и рядом бывают нигилистами-бунтарями из ложного морализма. Русский делает историю Богу из-за слезинки ребенка, возвращает билет, отрицает все ценности и святыни, он не выносит страданий, не хочет жертв. Но он же ничего не сделает реально, чтобы слез было меньше, он увеличивает количество пролитых слез, он делает революцию, которая вся основана на неисчислимых слезах и страданиях. В нигилистическом морализме русского человека нет нравственного закала характера, нет нравственной суровости перед лицом ужасов жизни, нет жертвоспособности и отречения от произвола. Русский нигилист-моралист думает, что он любит человека и сострадает человеку более, чем Бог, что он исправит замысел Божий о человеке и мире» [Там же. С. 265]. Во многом русская революция произошла именно из этого ложного сострадания, сострадания к страдающему народу. Проповедью этого сострадания постоянно прикрывались самые жестокие акции и преступления революционеров. Достоевский, подчеркивает Бердяев, раскрыл эту ложь революционного сознания.

Достоевский показал, что проповедь социализма у русских революционеров есть не пропаганда чисто экономического и политического учения, а претензия создать новую религию, противоположную вере христианской. «Достоевский – религиозный враг социализма, он изобличитель религиозной лжи и религиозной опасности социализма. Он один из первых почувствовал в социализме дух антихриста. Он понял, что в социализме антихристов дух прельщает человека обликом добра и человеколюбия. И он же понял, что русский человек легче, чем человек западный, идет за этим соблазном, прельщается двоящимся образом антихриста по апокалиптичности своей природы» [5. С. 268]. Революционная социалистическая мечтательность представляла, что русская революция построит справедливый и счастливый

мир на Земле, мир достатка и равенства, мир без страданий и без Бога. Достоевский ярко показал в своих пророческих образах, чем обернется этот мир. «Петр Верховенский так формулирует сущность шигалевщины Ставрогину: «Горы сравнять – хорошая мысль, не смешная. Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию... Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание; мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство... Необходимо лишь необходимое – вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание; полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно, чтобы не было скучно. Скука есть ощущение аристократическое» [Там же. С. 273]. В Легенде о Великом Инквизиторе Достоевский представил целостный образ того социализма, к которому вели русские мечтатели-революционеры. И начавшийся в 1918 году большевистский террор показал, как эти мечтания будут проводиться в жизнь... «Шигалевщина и есть иступленная страсть к равенству, доведенному до конца, до предела, до небытия. Безбрежная социальная мечтательность ведет к истреблению бытия со всеми его богатствами, она у фанатиков перерождается в зло. Социальная мечтательность совсем не невинная вещь. Это понимал Достоевский. Русская революционно-социалистическая мечтательность и есть шигалевщина. Во имя равенства мечтательность эта хотела бы истребить Бога и Божий мир. В той тирании и том абсолютном уравнении, которыми увенчалось «развитие и углубление» русской революции, осуществляются золотые сны и мечты русской революционной интеллигенции. Это были сны и мечты о царстве шигалевщины. Многим оно представлялось более прекрасным, чем оказалось в действительности» [Там же. С. 273].

Достоевский предсказал не только явление *шигалевщины* в русской революции, но и торжество *смердяковщины*, подчеркивает Бердяев. Проповедь пораженчества в войне, преклонение перед «заповедями» европейского социализма и было такой смердяковщиной русской революционной интеллигенции. У Достоевского Иван Карамазов совершает грех отцеубийства в душе, в духе, а Смердяков, вдохновляясь словами Ивана, что «все дозволено», реализует убийство на деле. Атеистическая революция также совершает отцеубийство, отрицает отечество на основе того, что власть была «плохой». И это убийственное отношение к отцу есть в революции смердяковщина. Но на это убийство «народ» был подвинут «интеллигенцией», и ненависть народа к интеллигенции в революции также была предсказана Достоевским в своем последнем романе.

Изгоев в своей статье пишет о Достоевском: «Десятки лет картины Достоевского считались карикатурой на русский социализм. Но для “имеющих

очи” уже в 1905–1906 годах видно было, что Достоевский пророчески прозревал в глубь событий. В 1917–1918 гг. об этом не может уже быть и спору. Что же дало возможность Достоевскому так зорко всмотреться в мрак грядущего? То, что он метко и точно схватил глубочайшую суть русского социализма, стремление немедленно, «на всех парах», как сказал Верховенский и повторили Ленин и Троцкий, создать на земле земной рай без Бога, без религиозной идеи. Для Достоевского было ясно, что вся нравственная культура, которой достиг современный человек, покоится на религии, на чувстве Бога. Можно спорить, во что верил Достоевский и какова была его вера, но нельзя забыть удивительных слов, вложенных им в уста Ивана Карамазова: “Не то странно, не то было бы дивно, что Бог в самом деле существует; но то дивно, что такая мысль – мысль о необходимости Бога – могла залезть в голову такому дикому и злому животному, каков человек, до того она свята, до того трогательна, до того премудра и до того она делает честь человеку”. Века христианства облагородили человеческую натуру. Православие воспитало душу русского человека. И когда теперь большевики сделали свой опыт, показали нам человека без Бога, без религии, без православия, показали его в том состоянии, о котором Достоевский говорил: “если нет Бога, то все позволено”, то весь мир ужаснулся этой, кровожадной, садически-злой обезьяны» [б. С. 367–368].

Можно было бы еще долго говорить о статьях сборника «Из глубины», приводить длинные цитаты, вызывающие восхищение глубиной мысли и совершенством формулировок. Но лучше будет, конечно, пригласить читателя самому прочесть эту великолепную книгу, памятник русской философской мысли и яркое свидетельство своего времени.

Чего нет в статьях сборника «Из глубины»

Книга «Из глубины» является ярким свидетельством своего времени, в частности и потому, что, читая ее, мы остро чувствуем, *чего в ней нет*, чем она отличается от нашего сегодняшнего понимания. В книге полностью отсутствует какое-либо сочувствие к арестованной царской семье. Некоторые статьи дописывались уже тогда, когда царская семья была расстреляна в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. Конечно, авторы могли этого и не знать. Но они были прекрасно осведомлены об аресте Николая Второго и его семьи 8 (21) марта 1917 года. С начала 1918 года большевистская власть уже достаточно показала свой террористический характер, чтобы можно было не сомневаться в трагической судьбе арестованных. И тем не менее, в сборнике нет никакого даже упоминания об этой святой семье. Так велико было отталкивание от монархии и раздражение против нее. И, в то же время, как много сочувствия февральской революции. С.Л. Франк в своей статье «Deprofundis» (Из глубины) пишет о феврале: «Впервые родина стала истинно свободной для воплощения заветных своих идеалов, *лучшие русские люди стали у власти, еще лучшие, более энергичные и пылкие* подгоняли их

в осуществлении желанных целей, – и внезапно все это куда-то провалилось, и мы очнулись у разбитого корыта, хуже того, без всякого корыта и даже без старой, покосившейся, но все же родной избы (Курсив наш. – В.К.)» [7. С. 480]. Конечно, Франк, как и все авторы сборника, настроен резко против власти большевиков, против революционной интеллигенции, но, тем не менее, симпатии его на стороне основных принципиальных противников исторической русской власти: «Тот семинарист, который, как передают, при похоронах Некрасова провозгласил, что Некрасов выше Пушкина, предсказал и символически предуготовил роковой факт, что через сорок лет Ленин был признан выше Гучкова и Милюкова... И не рукоплескала ли вся интеллигентная Россия цинически-хамскому бунтарству тех босяков и “бывших людей” Горького, которые через двадцать лет после своего столь шумного успеха в литературе успели захватить власть и разрушить русское государство?» [Там же. С. 494]. Противоречие между сетованиями о разрушении русского государства и симпатиями к Гучкову и Милюкову, долгие годы сознательно расшатывавшими основы этого государства, просто вопиет. Неужели же авторы сборника не чувствовали этого противоречия?.. Многие из них отдали в молодости дань увлечению социализмом и даже пострадали за это. Со временем их философская позиция претерпела значительную эволюцию, они пришли к осознанию значения философского идеализма, стали сознательными противниками социалистических утопий, и большинство из них пришло к религиозному мировоззрению³. Но парадоксальным фактом остается то, что, уйдя от веры в утопические перспективы построения «счастливой жизни» согласно социалистическим канонам и придя к позитивному отношению к религии, они, тем не менее, так и не смогли усвоить русское представление о религиозной природе власти, воплощенное в русской истории и в отечественных трудах по теории монархии (см., например, книгу [8]).

В этом плане также и тезис о слабости чисто человеческого, гуманистического начала в русском народе, при всей своей претенциозности, оказывается на поверку довольно поверхностным. Да, возникновение университетов, науки, современной индустрии, правовой культуры, соответствующей системе капиталистического хозяйства, в России по сравнению с Западной Европой запоздали. Но разве бурное развитие цивилизации, науки, образования, правовые реформы XIX столетия не говорят об удивительной талантливости русского народа и в этой области? Да, политические реформы демократического характера в царской России шли с трудом. Однако разве можно делать из этого однозначный вывод, что в этом, де, проявилась слабость гуманистического начала в русском народе? Прежде чем говорить о слабости этого начала, нужно чтобы народ *хотел* развития этих демократических, республиканских начал. Прежде чем говорить о *не могу*, нужно сначала сказать *хочу*... Но русский народ в рамках религиозного мировоззрения

³ См. сборники: «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909).

понимающий власть монарха, как установленную самим Богом, подчинялся и поддерживал эту власть, и недоверие к ней понимал как религиозное маловерие, крайне предосудительного характера. Разве можно судить подобную позицию с точки зрения развития чисто земных человеческих государственно – правовых начал? Конечно, можно делать и это, но только при условии, когда демократические формы правления априори признаются более совершенными, более прогрессивными, чем авторитарные и монархические. Но именно это представление и было чуждо народному пониманию природы Верховной власти в России. И именно тем, что это представление так или иначе, в той или иной степени разделяли авторы сборника «Из глубины», объясняется факт, что они упрекали русский народ в недостатке «гуманистического начала». Неслучайно многие из авторов сборника были членами и входили в руководство кадетской партии. И их позицию в этом вопросе почти не изменяло то, что они уже нашли путь к религиозному мировоззрению (хотя и в разной степени).

Нет в сборнике и обсуждения роли в генезисе русской революции внешних России сил. Русская революция была действительно всемирно-историческим событием, в ее подготовке и проведении сыграли свою политическую, финансовую, идеологическую, национальную роль не только внутренние силы, но и многие мировые агенты. Без преувеличения можно сказать, что с этого времени, собственно, и началась эпоха глобального мира. Чем больше мы сегодня изучаем русскую революцию 1917 года, тем этот всемирно-исторический масштаб становится все яснее. В книге об этом очень мало. Но книгу, конечно, нет смысла осуждать за последнее. Сегодня мы знаем много больше того, что было возможным узнать авторам сборника в условиях революционного хаоса, в которое превратилась Россия в 1918 году. Многое тайное стало сегодня явным...

В заключении, еще раз призовем читателя всерьез познакомиться со сборником «Из глубины»: прочитать, кто еще не читал, перечитать, тому, кому книга уже была знакома. Она интересна и важна с обеих точек зрения: и с той, что некоторые высказанные в ней положения представляют собой глубокие прозрения в историческую природу революции вообще, и русской революции, в частности; и с той точки зрения, что даже и ее авторы, истинные мэтры русской научно-философской мысли своего времени, оказались также, по своему инфицированы идейными ядами, приведшими к русской катастрофе 1917 года. Книга также дает прекрасную возможность посмотреть на сегодняшнюю общественно-политическую ситуацию в России через призму событий 1917–1918 годов, увидеть опасную близость с предреволюционной эпохой начала XX века, увидеть все те же неизжитые грехи интеллигенции, все те же тупики общественного развития... Книга может помочь не повторить трагические ошибки прошлого. «Имеющий уши слышать, да слышит».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аскольдов С.А.* Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1991.
2. *Бердяев Николай.* Судьба России. – М., 1990.
3. *Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1991.
4. *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1991.
5. *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1991.
6. *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1991.
7. *Франк С.Л.* De profundis // Вехи. Из глубины. Приложение к журналу «Вопросы философии». – М., 1991.
8. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность» (1905, репринт 1992).

“FROM THE DEPTH (1918)” COLLECTION – WHAT IT IS ABOUT AND WHAT IT IS NOT (REFLECTIONS ON THE BOOK THAT WAS NOT PUBLISHED 99 YEARS AGO)

V.N. Katasonov

The paper deals with the questions of principle discussed in articles of the collection «Izglubin’i» (De Profundis) (1918). The collection consists of articles written by the best thinkers and philosophers of the time: Nikolay Berdiaev, Sergey Askoldov, Sergey Bulgakov, Semen Frank etc. The main themes of the collection were: religious sense of Russian revolution, psychology of Russian people, fault of Russian intelligentsia.

Key words: Russian revolution 1917, religious sense of Russian revolution, Russian intelligentsia, psychology of Russian people.